

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

УДК 911.3:32

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

А. Б. Елацков*

Анализируется содержание понятий территориально-политической и региональной геополитической систем с точки зрения деятельностно-геопространственного подхода.

Региональная геополитическая система включает геополитические отношения как между государствами региона, так и с влиятельными внешними акторами. Сам геополитический регион может характеризоваться процессами интеграции, автономизации или устойчивым геополитическим конфликтом. Территориально-политическая система рассматривается в широком (все политические явления на территории) и узком (геополитические отношения в пределах территории) смыслах. В последнем случае она предстает подсистемой региональной геополитической системы.

Результаты исследования могут быть использованы при изучении геополитических регионов и геополитических систем.

Ключевые слова: территориально-политическая система, региональная геополитическая система, геополитика, политическая география, геополитический регион.

Территориально-политические системы (ТПС) в их взаимодействии друг с другом традиционно рассматриваются в качестве объекта исследования как политической географии [7, с. 243], так и региональной политологии (политической регионалистики) [13]. Не меньший интерес к данной теме проявляет и геополитика, которая может понимать под ТПС локальную геополитическую систему. Таким

* Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7—9.

Поступила в редакцию 12.10.2011 г.

образом, возможна множественная интерпретация понятия ТПС, учитывающая приоритеты того или иного исследовательского направления. Соответственно, для интерпретации ТПС есть несколько путей. Ниже обозначим два наиболее перспективных [3].

Первый — рассмотрение *политической* системы в качестве родового понятия для ТПС. Устанавливается иерархия ТПС в территориально-политической организации общества: первичное политико-географическое место (коммуна, село) — ... — страна — сообщество стран (геополитический регион). В этом случае элементарным «кирпичиком» ТПС является *политико-географическое место*. Каждый из уровней выполняет свои политические функции и имеет свои соотношения ТПС де-юре и де-факто, свои границы [7, с. 290—297]. ТПС высшего уровня представляет собой систему из ТПС низшего уровня (подсистем). Как считает В. А. Колосов, «чем в большей степени совпадают территориально-политические системы *де-факто* и *де-юре*, тем большей управляемостью обладает политическая система в территориальном плане. Однако на практике эти системы совмещаются далеко не полностью, преимущественно на низших системах иерархии» [7, с. 297]. Терминологически такое противопоставление не совсем верно, так как ТПС де-юре в действительности представляет частный случай или один из аспектов ТПС де-факто и оказывает значительное воздействие на функционирование всей системы.

Можно считать данный подход проецированием политических систем на уровни территориальной иерархии местных сообществ, и он в большей степени удовлетворяет запросам собственно политологического анализа. Пространственно-территориальные особенности в таком контексте представляются некими второстепенными и необязательными для анализа характеристиками. ТПС зачастую рассматривается как район-точка. Тем самым значительная часть отношений в ТПС выпадает из поля зрения исследователя. Этот перекокс несколько сглаживается в политической регионалистике, взявшей на вооружение географические методы. ТПС такого рода выступает объектом и для политической географии, но обладает чрезмерно большим количеством политических отношений, параметров и явлений, выходящих за границы предмета географического исследования. Такая «лишняя» информация в большинстве случаев просто игнорируется как несущественная. (Можно привести множество ее примеров — от дизайна политической рекламы до порядка фамилий в избирательном списке.)

Таким образом, есть потребность выделять ТПС в «узком» смысле, акцентируя внимание именно на пространственно-территориальных особенностях политических процессов, а не на всех политических событиях и отношениях в пределах данной территории. Именно такая ТПС представляет особый интерес для политико-географического исследования. Отмечая описанную двойственность интерпретации ТПС, Р. Ф. Туровский делает вполне закономерный вывод, что «определения территориально-политических систем, бытующие в политической географии, для политологии являются недостаточно полными и операцио-

нальными» [13, с. 32]. Можно считать, что ТПС в «узком» смысле рассматривается как разновидность не столько политической, сколько территориальной системы. В последней системообразующими выступают именно географические (территориальные) отношения между элементами любой природы [10, с. 43—44; 1, с. 60], тогда как иные отношения образуют расширенный предмет. В этом смысле, как отмечал У. И. Мересте, точка зрения, что задача географии заключается в исследовании любых природных или общественных явлений только лишь потому, что они локализованы на определенной территории, представляется неправомерной [10, с. 45]. Таким образом, нами предполагается существование ТПС двух типов:

1. Территориально-политическая система в широком смысле (ТПС I типа) как локальная политическая система (совокупность всех взаимосвязанных политических субъектов, отношений и явлений, занимающих какую-либо территорию). В. А. Колосов определяет такую ТПС как «объективно взаимосвязанные сочетания элементов политической сферы... функционирующие на определенной территории» [7, с. 234]. Однако региональная политология [13, с. 35—36] рассматривает только активное ядро политической системы, географические границы которой производны от распространения активных политических отношений. ТПС в этом смысле состоит из ареалов и векторов, не имеет четких границ и, соответственно, «определенной территории».

2. Территориально-политическая система в узком смысле (ТПС II типа, или географическая подсистема ТПС), охватывающая региональные политические отношения в географическом выражении, их территориальную структуру и динамику. В данном контексте основным направлением исследования становятся территориальные оси и узлы разного функционального значения, точки роста, «силовые» поля влияния и их градиенты, пространственные структуры, пространственные дрейф и диффузия политических явлений в рамках территории. ТПС II типа может содержать парциальные (отраслевые) подсистемы, которые также представляют собой ТПС, только более низкого ранга (например, ТПС какой-либо партии, включая географию ее поддержки). ТПС II типа рассматривается как подсистема интегральной территориальной системы с учетом разнородных отношений со средой, то есть с другими географическими подсистемами любой природы.

Второй путь решения задачи — принять в качестве родового понятия для ТПС *геополитическую* систему. В этом случае элементарным «кирпичиком» и объектом исследования как политической географии, так и геополитики представляется *геополитическое отношение* [5]. С этой точки зрения геополитические системы — это системы геополитических отношений. Как отмечает Н. В. Каледин, в соответствии с деятельностно-геопространственным подходом их можно представить как «совокупность элементов — носителей деятельности, объединенных (связанных в структурном отношении) общностью целевой политической функции, реализуемой... посредством определенного типа геополитических отношений» [5, с. 97]. Максимальным географическим вы-

ражением таких систем является понятие политической карты мира, отражающее процесс и результат геополитической деятельности общества в целом и отдельных политических акторов. Одному из иерархических уровней соответствует *региональная геополитическая система* (РГПС) — один из объектов как региональной политической географии, так и региональной геополитики. Но изучаемые аспекты у них различаются.

В данном контексте большое значение приобретают понятия «регион» и «геополитический регион». Выделение регионов непостоянно и нечетко, они могут появляться, изменяться и исчезать. Так, Австралию постепенно стали относить к региону Юго-Восточной Азии вместо Австралии и Океании. Балтийский же регион в период «холодной войны» был «подавлен» иной геополитической регионализацией и отчетливо «проявился» лишь в последние 20 лет. Определение границ регионов — дискуссионный вопрос, ответ на который зависит от цели исследования. Так, Балтийский регион может выделяться и по бассейновому принципу, и по принципу включения стран (или их частей), имеющих непосредственный выход к Балтийскому морю, или стран, которые пересекаются с водосборным бассейном. Еще В. П. Семенов-Тянь-Шанский [11] выделял три формы «могущественно-территориальных владений». Две из которых могут рассматриваться применительно к геополитическим регионам. Так, кольцеобразная форма образуется вокруг средиземных морей (балтийский, каспийский, средиземноморский и другие геополитические регионы), в то время как чрезматериковая охватывает пространство между морями (кавказский, балтийско-черноморский, ближневосточный и другие геополитические регионы). Можно заметить, что в данном случае главную регионообразующую роль играет географический фактор. Однако он должен выражаться не только в конфигурации суши и моря, но и в особенностях этнического, политического, экономического и иных видов геопространств. Важны и историко-географические аспекты. Например, как о регионах можно говорить о «реликтовых» ТПС — некогда единых странах, разделившихся на независимые соседние части, унаследовавшие общие политические черты (сюда же отнесем «разделенные государства», сохранившие общие имперские традиции [8]).

Можно согласиться, что в первом приближении «предметом региональной геополитики выступают структурно-содержательные элементы региона, *геополитические отношения с другими*, а также относительно динамическое единство внутри региона, достигаемое противостоянием и соотношением различных факторов (политических, экономических, социально-этнических, конфессиональных)» (курсив мой. — А. Е.) [2, с. 241]. Региональная геополитика изучает деятельность локальных акторов в рамках региона. Но в ней учитываются также локальные силы, возникающие в контексте глобальных геополитических процессов (как, например, в случаях противостояния Сербии и Хорватии, КНДР и Республики Кореи, конфликтов на Ближнем Востоке). РГПС выделяется тесными геополитическими отношениями в регионе. Но и *сам регион* — «арена соперничества» для влиятельных внешних сил, каждая из ко-

торых может оказывать давление на локальных акторов или принимать непосредственное участие в региональных политических процессах. Так, в регионе Каспийского моря наиболее активными внешними игроками являются США, ЕС и Китай. Кроме «прикаспийской пятерки» в «великий каспийский регион» можно включить и ряд их соседей первого порядка [6, с. 17]. Отношения со всеми этими странами могут рассматриваться в рамках соответствующей РГПС. Для балтийской РГПС важны геополитические отношения с Великобританией, США, другими государствами-наблюдателями СГБМ и иными заинтересованными влиятельными акторами по поводу политической ситуации в регионе. Также в РГПС включаются отношения с внерегиональными частями крупных стран региона (России, Германии). Другими словами, РГПС не замкнута на территории региона, а лишь привязана к ней одной (геопространственной) стороной геополитических отношений (можно сказать, что и границ-то в этом смысле не имеет). То, что геополитические отношения могут выходить за пределы региона, не меняет их региональной сути. Разумеется, отношения с внешними акторами имеют различную значимость и тесноту, причем неодинаковую для разных субрегионов и изменчивую во времени.

Что касается региональной политической географии, то она акцентирует внимание лишь на тех геополитических отношениях, обе стороны которых (геопространственная и политическая) локализованы внутри территории (региона). Внешние отношения ТПС как в «широком», так и в «узком» смыслах, в отличие от региональной геополитики, могут исследоваться как отношения со средой, как входы/выходы, но не как органичная часть системы. С одной стороны, ТПС замкнутая внутри территории, то есть это более узкое понятие по сравнению с РГПС. Тем более что последняя, отражая интегральную природу геополитики, включает также геополитические отношения с неполитическими явлениями на данной территории (природными и общественными). Но, с другой стороны, ТПС в «широком» смысле включает множество параметров, объектов и процессов, не представляющих интереса ни для политической географии, ни для геополитики. Потому только ТПС в обозначенном выше «узком» смысле возможно рассматривать как подсистему РГПС, ограниченную определенной территорией и формирующуюся из части региональных геополитических отношений. Соответственно, если ТПС должна быть соотносена с политической системой (территориальной общностью людей), с определенными границами, то для РГПС это не обязательно. Последняя может быть как трансграничной (включать, например, половину города или части смежных стран: Курдистан, евразийский «хартленд»), так и охватывать множество, даже воюющих друг с другом, ТПС крупного региона (например, РГПС ближневосточного конфликта). В последнем случае прослеживается еще одно отличие двух типов систем. По мнению многих исследователей, *территориально-общественная система* (ТОС), видом которой и является ТПС, должна удовлетворять критерию управляемости (быть связанной отношениями управления) [4, с. 23—25] и характеризоваться внутренней хозяйствен-

ной, культурной или иной целостностью [14]. С учетом данных требований максимальным уровнем в иерархии ТПС представляется сообщество стран, образовавших экономический или политический союз (формальный или неформальный) [7, с. 292]. Здесь уместно будет упомянуть, что в англоязычной географии само понятие «территория» имеет преимущественно политико-административную интерпретацию (см., например: [15, р. 746]). Впрочем, отдельные авторы говорят о первичности территориальной самоорганизации общества и, соответственно, субъективной вторичности административного деления, не всегда совпадающего с динамичными границами фактических ТОС [12, с. 20]. Безусловно, ТОС — понятие довольно многоплановое и допускает широкие интерпретации (например, трансграничная агломерация в качестве ТОС), однако при переходе к ее политической подсистеме (ТПС) фактор политической управляемости становится одним из ведущих. Трансграничный регион может либо иметь управляющие органы (функционируя как подчиненная ТПС), либо рассматриваться в рамках социально-экономической интеграции соседних ТПС. Стремление же расширить понятие ТПС до макрорегионального уровня [7, с. 296; 13, с. 44] в общем случае достаточно спорно, так как ТПС опирается на территориальные сообщества, определяемые как «социумы, объединенные общими интересами и отношением к местожительству» [14, с. 8] (в этом смысле справедливо говорить и о планетарной общности людей).

Здесь важно отметить, что в современных политологических исследованиях, базирующихся на концепциях регионализма и транснационализма, понятие «регион» трактуется довольно односторонне — как образование территориальных интеграционных сообществ, автономизирующихся от соседних пространств [9, с. 11—15]. В значительном числе случаев такой регион совпадает с ТОС, ТПС или интегрированными соседними ТПС. Однако важно отметить, что *геополитический* регион может быть образован и иными регионообразующими отношениями. Из них особо важны отношения, порождаемые устойчивыми геополитическими конфликтами и прочими проблемами, которые не интегрируют, а дезинтегрируют региональное сообщество («регион конфликта»). В отличие от ТПС РГПС вполне может быть конфликтной и неуправляемой системой.

В данном контексте ТПС в «узком» смысле также представляется подсистемой РГПС. Конечно, и региональная политическая география, и политическая регионалистика активно изучают макрорегионы и международные конфликты, но это не означает, что такой исследуемый регион (или мир в целом) является единой ТПС. Речь может идти скорее о совокупности ТПС, геополитическом регионе или РГПС. Одна и та же ТПС или ее часть может одновременно входить в разные геополитические регионы различных типов, что также говорит о проблематичности отнесения геополитического региона к высшему иерархическому уровню ТПС — у них нет строгой иерархической подчиненности.

Существует еще одна проблема соотношения данных систем — пространственная разобщенность. Территория сама по себе является

множеством смежных точек [1, с. 65]. Однако ТПС может состоять из нескольких разобренных территорий, иметь эксклавы. Рассматривать ли такую структуру как единую ТПС или как геополитическую систему — зависит от ряда прочих параметров (прежде всего определяющих политическую целостность и управляемость). Вместе с тем геополитический регион предполагает охват какого-либо географически единого и ограниченного пространства. В результате иногда разные части одной пространственно разобренной ТПС (например, колониальной империи) не могут включаться в один геополитический регион. Но отношения с внерегиональными частями такой ТПС участвуют в образовании соответствующих РГПС.

Во всех случаях ключевыми отношениями выступают системообразующие геополитические отношения. С учетом их противоречивой сущности они могут быть названы «узловыми геополитическими проблемами» [5, с. 98]. Но если в формировании РГПС значительную роль играют геополитические отношения идеального типа (в том числе геополитические интересы и «имиджевые» отношения), то для ТПС системообразующими являются преимущественно материальные геополитические отношения. Благодаря привязке геополитического исследования к системе интересов из сферы его рассмотрения вполне могут выпадать геополитически «нейтральные» или «несущественные» аспекты РГПС, что, однако, не изменяет содержания последней.

Автор выражает признательность коллегам из СПбГУ за комментарии к ранним версиям данной статьи.

Список литературы

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география : понятийно-терминологический словарь. М., 1983.
2. Багров Н. В. Объект, предмет, базовые категории регионального геополитического анализа // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 26. URL: http://www.nbuv.gov.ua/Articles/kultnar/knp199826/knp26_54.doc (дата обращения: 5.09.2011).
3. Елацков А. Б., Зиновьев А. С. Территориально-политическая система как объект политической географии // Географическое изучение территориальных систем : сб. матер. всерос. конф. / под ред. М. Б. Ивановой. Пермь, 2010. Кн. 2. С. 103—107.
4. Исаченко А. Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб., 2008.
5. Каледин Н. В. Политическая география. СПб., 1996.
6. Карабуценко П. Л. Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «великого каспийского региона» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 3 (20). С. 17—22.
7. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2001.
8. Котляров И. Д. Разделенные государства и их роль в современной геополитике // Вестник Рязанск. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2007. № 15. С. 68—81.
9. Межевич Н. М. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // Псковский регионологический журнал. 2006. № 2. С. 3—21.

10. Мересте У. И., Ныммик С. Я. Современная география: вопросы теории. М., 1984.
11. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Известия ИРГО. 1915. Т. 51, вып. 8. С. 425—458.
12. Трофимов А. М., Чистобаев А. И., Шарыгин М. Д. Теория организации пространства. Сообщение 3: Пространственно-временная организация общества // Известия РГО. 1993. Т. 125, вып. 5. С. 11—21.
13. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2006.
14. Шарыгин М. Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. Пермь, 2006. № 1. С. 4—13.
15. *The Dictionary of Human Geography* / eds. D. Gregory [et al.]. 5th ed. Chichester, 2009.

Об авторе

Елацков Алексей Борисович, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии факультета географии и геоэкологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: elatskov@mail.ru

TERRITORIAL-POLITICAL AND REGIONAL GEOPOLITICAL SYSTEMS: CORRELATION OF CONCEPTS

A. B. Yelatskov

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received 12 October 2011

This article considers the notions of “territorial political system”, “regional geopolitical system” and correlation between them from the viewpoint of the activity-geospatial approach.

A geopolitical region can be characterized by geopolitical integration, autonomization or permanent geopolitical conflict. A regional geopolitical system includes geopolitical relations both between states within the region and with influential external actors. A territorial political system is regarded in the broad (all political phenomena on a certain territory) and narrow (geopolitical relations on a certain territory) sense. The latter is considered as a subsystem of regional geopolitical system.

The research results can be applied in the study of geopolitical regions and geopolitical systems. The article develops a methodology for regional geopolitical and politico-geographical studies.

The author wishes to express his gratitude to the colleagues from St. Petersburg State University for their comments on earlier versions of this paper.

Key words: territorial political system, regional geopolitical system, geopolitics, political geography, geopolitical region.

References

1. Alaev, E. B. 1983, *Socialno-ekonomicheskaja geografija: Ponjatijno-terminologicheskij slovar [Social and economic geography: the conceptual vocabulary]*, Moscow, Mysl.
2. Bagrov, N. V. 2001. Objekt, predmet, bazovye kategorii regionalnogo geopoliticheskogo analiza. *Kultura narodov Prichernomorja*, 26, available at: www.nbuuv.gov.ua/Articles/kultnar/knp199826/knp26_54.doc (accessed 5 September 2011).
3. Elatskov, A. B., Zinoviev, A. S. 2010, Territorialno-politicheskaja sistema kak objekt politicheskoy geografii. In: Ivanova, M. B. (ed.), 2010. *Geograficheskoe izuchenie territorialnyh sistem [Geographical study of territorial systems]*, vol. 2, Perm, Perm State University, pp.103—107.
4. Isachenko, A. G. 2008. *Landshaftnaja struktura Zemli, rasselenie, prirodopolzovanie [Landscape structure of the Earth, moving, nature]*, St. Petersburg, St. Petersburg University Press.
5. Kaledin, N. V. 1996. *Politicheskaja geografija [Political geography]*, St. Petersburg, St. Petersburg University Press.
6. Karabuschenko, P. L. 2009, *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura*, 3 (20), pp. 17—22.
7. Kolossov, V. A., Mironenko, N. S. 2001, *Geopolitika i politicheskaja geografija [Geopolitics and Political Geography]*, Moscow, Aspekt-press.
8. Kotlyarov, I. D. 2007, *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, no. 15, pp. 68—81.
9. Mezhevich, N. M. 2006, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 3—21.
10. Mereste, U. I., Nymmik, S. Ya. 1984, *Sovremennaja geografija: voprosy teorii [Modern Geography: Theory]*, Moscow, Mysl.
11. Semenov-Tyan-Shansky, V. P. 1915, *Izvestija Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva*, no. 8, pp. 425—458.
12. Trofimov, A. M., Chistobaev, A. I. and Sharygin, M. D. 1993, *Izvestija Russkogo geograficheskogo obschestva*, no. 5, pp. 11—21.
13. Turovsky, R. F. 2006, *Centr i regiony: problemy politicheskikh otnoshenij [Center and regions: problems of political relations]*, Moscow, Higher School of Economics.
14. Sharygin, M. D. 2006, *Geograficheskij vestnik*, no. 1, pp. 4—13.
15. Gregory, D. (et al. eds.), 2009, *The Dictionary of Human Geography*, 5th ed. Chichester, Wiley-Blackwell.

About author

Dr Alexey B. Yelatskov, Associate Professor, Department of Regional Policy and Political Geography, Faculty of Geography and Geoecology, Saint Petersburg State University.

E-mail: elatskov@mail.ru